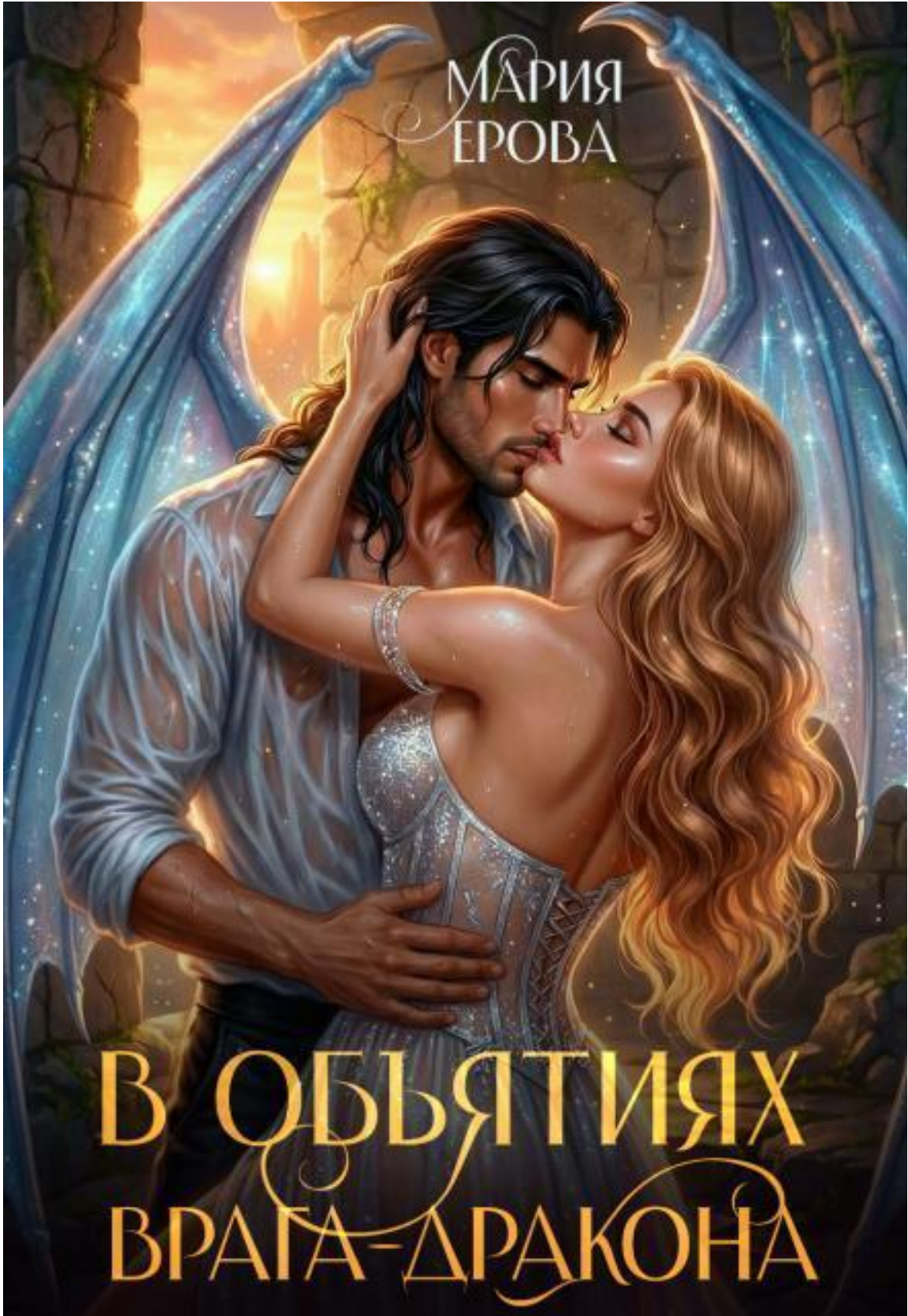

A romantic illustration of a man and a woman in a close embrace, about to kiss. The man has long dark hair and a beard, wearing a light blue shirt. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a silver, sparkling corset-style dress. They are surrounded by large, translucent blue dragon wings that shimmer with starlight. The background shows a warm, golden sunset or sunrise through a stone archway.

МАРИЯ
ЕРОВА

В ОБЪЯТИЯХ
ВРАГА-ДРАКОНА

Мария Ерова

В объятиях врага-дракона

«Литнет»

2026

Ерова М.

В объятиях врага-дракона / М. Ерова — «Литнет», 2026

Я была королевой по титулу и пленницей по положению - нелюбимой женой короля оборотней. Одна роковая ночь со слепым пленником, чьего лица я так и не увидела, перечеркнула всё. Теперь я ношу под сердцем ребёнка заклётого врага моего мужа. Супруг охотится за мной, чтобы стереть с лица земли доказательство моего предательства. Но я не остановлюсь. Стану скрываться ради жизни, что зреет во мне. И ради того, чьё настоящее имя даже не знаю...

#беременная_героиня#любовный_треугольник#любовь_предательство_измена#сложно
#драконы_и_оборотни#Хэппи энд

© Ерова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

Моё тело принадлежит оборотню, а сердце – дракону...

 Настоящее

Я выглянула из-за дерева, боясь, что меня увидят. Погоня была не шуточной, меня хотели убить. Да-да, ни наказать, ни как-то ещё проучить, а именно убить. И это было страшно. Безумно страшно, ибо муж мой был жесток, а я была полностью в его власти. Раньше была.

Я слышала вой волков и видела отблески факелов, что то приближались, то удалялись, и молила всех богов на свете, чтобы они уберегли меня. Меня – и моё ещё нерождённое дитя, которое я носила под сердцем. Совсем недолго – живот мой ещё был плоским, а срок небольшим. И всё же я собиралась сражаться до последних сил за эту крохотную, маленькую жизнь, которая значила даже больше, чем моя собственная. Но, если я умру, внутри меня погаснет и эта крохотная искра, которая уже успела наполнить меня радостью и осознанием того, что я скоро стану матерью. Ведь я об этом так мечтала всю свою жизнь!

Руки и ноги замёрзли, хотя мне было жарко. Сердце давно сбилось с ритма, доведённое до отчаяния сложившимися обстоятельствами. Как я могла так оступить? Где ошиблась? Но не время было жалеть себя и беспокоиться о неудобствах. Сейчас главным было выжить, суметь убежать от слуг мужа и найти где-нибудь пристанище. Задача почти непосильная, и всё же, всё же...

Дождавшись, пока вооружённые до зубов воины пойдут по ложному следу, я выбралась из укрытия, короткими перебежками двигаясь от дерева к дереву. Темнота ночи была мне в помощь, а лёгкий бег, которому всех детей обучали с самого детства наряду с бальными танцами, тоже оказался моим союзником. Ни звука – ни треска веточек под сапогами, ни громкого дыхания, что могло выдать меня на самом участке пути. Я уговаривала себя, что осталось совсем чуть-чуть, самую малость, и старалась не думать о плохом, хотя шансы выбраться отсюда были почти нулевыми.

- Лиира! – прозвенел, отдаваясь в ушах, голос моего супруга, короля Остина. – Я всё равно найду тебя, безмозглая драконья шлюха! Я вырежу плод вашей грязной любви прямо из твоего предательского чрева и брошу его к ногам твоего любовника!

Внутри меня всё сжалось в тугой комок. Да, я была виновата, но хотела жить... Жить! Не только ради себя...

- Где ты, дрянь?! – вновь воззвал ко мне Остин, и в голосе его слышалось рычание зверя, которым он, по сути, и являлся. – Чем дольше ты тянешь время, тем страшнее будет твоя смерть!

Он даже не оставлял мне шанса объясниться. Просто вынес приговор, и всё! Всё...

Стена, ограждающая родовой замок, была близко. И пусть за ней не было гарантии моей свободы и того, что меня не поймают, но всё же она была неким рубежом, за которым было гораздо больше шансов укрыться, нежели здесь. Густой лес и высокие суровые горы представлялись мне сейчас не унылым пейзажем севера, который я невзлюбила с самого первого раза, лишь увидев его, но средством спасения. Я никогда не была изнеженной девушкой, и умела выживать в нелёгких условиях, а потому могла сейчас положиться лишь на это своё умение. И, стиснув зубы, забралась на высокую стену, рискуя выдать себя.

Крики, что раздались в тот же миг, сообщили мне, что так и случилось. Я была всего лишь человеком, а люди, окружавшие меня – оборотнями, как и мой муж. Их слух и зрение, нюх, были в разы сильнее моих, людских. И я должна была очень постараться, чтобы их обмануть, замести следы, чтобы выжить...

Прыжок с такой высоты отозвался болью в ногах, а после и во всём теле. Не обращая на неё внимания, я рысью бросилась вперёд, не оглядываясь, не пытаясь понять, сколько человек

меня преследуют, сколько оружия направлено в мою сторону. Вряд ли они получили приказ убить меня прямо сейчас – наверняка мой супруг хотел это сделать лично, наслаждаясь каждым моим мучительным стоном, и я им нужна была живой.

Но это предполагало лишь отсрочку моей неизбежной гибели. И я бежала, неслась, как умалишённая, пока не достигла подножья гор и не юркнула в узкий проход-разлом, который заприметила давно и держала в своей голове на всякий случай. И вот он, наконец, наступил.

Сердце отчаянно билось в груди, страх накрывал с головой, предвещая мне скорую гибель. Я уже слышала приближающийся голос моего мужа, что обещал мне расправу, страшнее которой ещё не видела эта земля. Стараясь его не слушать, я пробиралась всё дальше по узкой расщелине, в которой едва ли можно было дышать – настолько она была узкой. Хорошо, что я была такой небольшой и даже миниатюрной. Боюсь предположить, что стало бы со мной, будь я чуточку выше или полнее.

Мужчины столпились у входа в разлом, не решаясь идти за мной. Да они бы и не смогли, ведь широкоплечим воинам моего супруга, закованным в броню, сюда было просто не протиснуться. В душе я порадовалась, однако, ни на секунду ни теряя бдительности. Лорд Остин был коварен, и я не могла знать, до чего додумается его извращённый ум на этот раз.

Однако вскоре я смогла ощутить это на своей шкуре, когда вначале услышала отдалённый, возвышенный речитатив мага, что подоспел как раз вовремя, чтобы поймать беглянку. А в следующий миг я почувствовала, как склизкие змеи, призванные не иначе как магией, обвивают мои ноги и стремятся к открытым частям тела... Я была обречена. Но я не хотела умирать! Не только ради себя, но и ради моего будущего ребёнка...

Глава 1

Прошлое

Я вошла в тронный зал в сопровождении своего отца – короля людей Вилура. Сердце трепетало в груди, отдаваясь эхом в такт моих же шагов, так я волновалась и едва ли могла поднять глаза на предводителя оборотней, с которыми мы прибыли заключить союз. Юная, стройная, робкая... Я была единственной дочерью моего отца, принцессой людских земель, и должна была демонстрировать власть и силу, но...

Только раз взглянув на того, кто сидел на высоком троне в расслабленной позе посреди зала, я поняла, насколько слаба. Тот мужчина – вернее, получеловек, который, впрочем, ничем сейчас не отличался от наших мужчин, смотрел на нас горделиво, даже можно сказать, высокомерно, и не торопился приветствовать, хотя мой отец был равен ему по рангу. Он долго изучал нас с высоты своей власти, особенно меня, ведь я была единственной женщиной во всей делегации, хоть и одетой по-мужски, в дорожный костюм и доспехи, но всё равно не могла сравниться ни с одним из воинов ни ростом, ни шириной плеч.

- Приветствую, король Остин! – мой отец поприветствовал предводителя оборотней первым, склонив в почтении седую голову, на что тот лишь слегка кивнул своей.

- И я приветствую Вас, король Вилур, - произнося это, оборотень обвёл всех нас испытывающим взглядом, словно заранее в чём-то подозревал.

Это было неудивительно. Мы враждовали, мир враждовал – людские кланы и те, кого принято было считать «нелюдьми», хоть зачастую их было от нас не отличить. Я говорю не только про оборотней-волков, но и драконов, чьи гордость и высокомерие, порой, дотягивались до небес. Но люди были слабы, и их от года в год становилось всё меньше, впрочем, как и наших противников. Но самыми незащищёнными из всех всё-таки были мы.

Король Вилур решился на отчаянный шаг и предложил оборотням заключить мир, дабы защитить наши земли от разорения и остановить безумное кровопролитие, что становилось всё большей проблемой день ото дня.

Почему он выбрал именно волков? Они казались ему более благоразумными и договороспособными – по сравнению с драконами. И, как бы то странно не звучало, они согласились. Именно поэтому мы прибыли сегодня в самое сердце вражеских земель – замок короля Остина. Нам во что бы то ни стало нужно было договориться с ними, какой бы высокой не была цена.

- Мы пришли поговорить о мире, - продолжил мой отец.

И тогда король Остин соизволил покинуть свой трон и спуститься к нам, остановив охрану одним взмахом руки. Он встал прямо напротив моего отца и пытливо заглянул ему в глаза. Король людей выдержал испытание, ведь он не лукавил, когда говорил о мире. И оборотень это тоже почувал.

- Говори, - благосклонно кивнул он, взгляда не отрывая от Вилура.

Отец прочистил горло. Он был опытным оратором, но сейчас от его речи могло зависеть будущее всего человечества как вида – и он нервничал, хотя и пытался не показывать вида. Сказывался тяжёлый груз правления на плечах, выдержка, присущая настоящему правителю, который отодвигал эмоции в сторону, если того требовала ситуация.

Король Остин же был молодым, красивым мужчиной, что приглянулся мне с первого взгляда. Высокий, широкоплечий брюнет с цепким взглядом и волевым лицом, тогда он казался мне идеалом мужчины, а потому я даже старалась на него не смотреть, чтобы ничем не выдать свой интерес. Кроме того, от него просто-таки веяло чем-то диким, свободой, кровью, хищной натурой, и такой коктейль не мог не будоражить нежное женское сердечко.

Отец говорил ему что-то, рассуждал, приводил примеры и доводы, а тот, слушая в пол-уха, всё чаще переводил взор на меня, и с каждым разом я чувствовала, словно игла пронзает моё тело под этим взглядом. И в какой-то момент молодой волк перебил его.

- Ваше величество, я согласен на мир с людьми на ваших условиях, но при одном моём.
- Каком же? – опешил мой отец, ожидая худшего.
- Если Вы одобрите наш союз через брак с Вашей дочерью...

Не знаю, как королю Вилуру удалось сдержаться в тот момент. Он предлагал волкам скот и некоторое земли, наложниц и даже рабов, но не ожидал, что тот позарится на святое. Это было ещё удивительно и потому, что у нас раньше не были приняты браки между людьми и нелюдьми, это даже звучало как-то дико, совершенно неприемлемо!

- Мне... нужно подумать, - произнёс отец под пристальным взглядом молодого оборотня.
- Хорошо, - кивнул тот, отчеканив это слово. – Но, учтите, на другие условия я не соглашусь. Или подтверждение союза браком между мной и Вашей прелестной дочерью, либо война продолжится, и всё будет как прежде.

Мы удалились в соседний зал, чтобы переговорить. Мой отец был мрачен, а я вообще не знала, чего ожидать, потому как жизнь к такому меня точно не готовила. И я была просто растеряна, если не сказать, обескуражена.

Король о чём-то шептался со своими советниками, а я стояла в стороне, понимая, что меня и не спросят, если отец решиться на этот отчаянный шаг. Замужество ради достижения общей цели было не редкостью для детей короля, но я никогда не думала, что такое может случиться и со мной. Привычный мир пошатнулся, окунув меня в жестокую реальность с головой. И теперь я ждала вердикта, словно преступник на суде, ожидая, помилуют его или казнят.

Когда их совещание закончилось, отец даже не взглянул в мою сторону, быстрым шагом направившись в тот зал, где его дожидался король Остин. Значит, плохи были мои дела. Эта догадка подтвердилась, когда Вилур, представ перед предводителями оборотней, произнёс твёрдо и без запинки.

- Мы согласны, Ваше величество.

На что тот, довольно улыбнувшись, кивнул и поднял кверху кубок с искрящимся внутри напитком.

Глава 2

Настоящее

Я оказалась в ловушке, в которую сама себя и загнала. Здесь было слишком узко, даже чтобы вздохнуть полной грудью, не то, чтобы защищаться. Длинные скользкие твари, повинувшись своему хозяину, продолжали подниматься по мне, словно по дереву, приближаясь к лицу и шее.

Я замерла, боясь издать хоть звук или ненароком пошевелиться. Одна из тварей, дотянувшись до моей шеи, обернулась вокруг неё наподобие верёвки, и медленно начала затягивать петлю. Дышать и так было невыносимо трудно, а теперь просто невозможно. И я, неимоверно сумев высвободить обе руки, вцепилась в неё насколько это было возможно, и ногтями впилась в склизкое холодное тело змеи.

Она сопротивлялась, не желая умирать, и я тоже. Дождавшись, пока эта тварь перестанет подавать признаки жизни, я стянула её с шеи, швырнув к ногам. Но те две, что остались, тоже не бездействовали. Было крайне неприятно ощущать, как они обвиваются вокруг моих ног, пытаюсь пробраться дальше. Я затопала, пытаюсь скинуть их, и с одной это даже получилось. Я придавила её ботинком и разможила голову о так удачно попавшийся рядом камень.

Но третья змея, оставшись в одиночестве, просто рассвирепела, удвоив агрессивный напор. Я пыталась её стряхнуть с платья, по которому она ловко взобралась, но та оказалась проворнее. Она впилась в открытую часть моей руки, и я вскрикнула, понимая, что яд оказался в моей крови. И теперь терять мне было нечего...

Дотянувшись до змеи другой рукой, я с ненавистью сорвала её с себя, а после её настигла участь предшественницы. Все змеи теперь были мертвы, но и я получила свою порцию яда и теперь, если мне не получить противоядия, то я просто умру...

Мужчины по-прежнему ждали у входа в расщелину, я слышала их приглушённые голоса. Они надеялись, что змеи сделают своё дело, и я выберусь обратно к ним, но для чего? Смерть от укуса гадюки была более предпочтительной, чем от руки собственного мужа. Пара часов агонии, пока яд расходился по крови было ничем, по сравнению с тем, что уготовил мне дорогой супруг в качестве «наказания». Я это знала, а потому даже не собиралась поворачивать.

Но, прежде чем идти дальше, я припала к ранке на месте укуса, пытаюсь высосать яд. Кожу жгло, но на это я обращала внимание в последнюю очередь. Сплюнув несколько раз себе под ноги, я продолжила своё мучительное продвижение по узкой расщелине очень надеясь, что вскоре она расширится. Было бы гораздо проще, если я обладала хотя бы крохами земляной магии, чтобы суметь раздвинуть пространство внутри горы или лечебной, чтобы залечить себя. Но, увы, я могла полагаться только на свои физические силы и идти вперёд, протискиваясь в узкий проход, неизвестно куда меня ведущий.

Да, я не знала, что меня ждёт по ту сторону гор, но знала, что там начинались чужие владения – владения драконов, врагов и людей, и оборотней. Но это ничего не меняло. Я не знала, что ждало меня там, но очень хорошо понимала, что оставляю позади себя.

Проход и впрямь расширился, мне стало куда гораздо легче дышать, но место укуса стало опухать, а меня замутило, голова налилась тяжестью, и я не знала, как буду двигаться дальше.

Стоило остановиться и передохнуть, но я упрямо шла вперёд, пока колени не подогнулись и я не рухнула на землю, больше не в силах двигаться дальше. Мне было так плохо, что уже почти стало всё равно, что меня ждёт впереди. Благо, мужа и его поделщиков я уже не слышала, а, значит, смогла продвинуться достаточно далеко. Пусть я умру здесь и сейчас, но не той смертью, что уготовил мне мой супруг. Жаль только, что мой малыш так и не увидит этот свет и это солнце...

...Я очнулась, когда рассвет начал проникать в мелкие щели, как воришка, забирая темноту ночи и наполняя её первыми лучами солнца. Я всё ещё чувствовала себя разбитой и уставшей, но улыбка сама напозла на моё лицо, ибо я была живой. Живой! И, судя по всему, мой супруг до меня не добрался.

Полежав так ещё несколько минут, я решила подняться. Голова болела как будто я не спала целую вечность, а рука ныла и была распухшей, но всё, как оказалось, было не так страшно.

Хотелось пить, и я собрала редкие капли росы с тех растений, что начали появляться здесь, а это значило, что выход близко. Растения эти были белыми, слабенькими, но всё же росли, занесённые когда-то семенами на скудную почву пещеры. Они так же стремились к свету, вытягивая свои хрупкие стебельки, мечтая коснуться солнца. Вот только в отличие от меня, они не могли сделать этого, корнями связанные с землёй. А я могла, и шла, и вскоре выбралась на свет божий, щурясь от ярких лучей, что пробивались сквозь зелёные кроны высоких деревьев.

Да, горный проход вывел меня в лес, в глухую чащу, но сейчас я этому была несказанно рада. Мой муж и его прихвостни остались по ту сторону гор, и я наслаждалась моментом одиночества и тишины, однако, не зная, что буду делать дальше.

Спелые ягоды земляники, что я собрала на залитой солнцем поляне, утолили мой голод. Я всё ещё чувствовала себя неважно, но даже такая скромная пища придала мне сил и позволила двигаться дальше. Я больше не бежала, не чувствую шум погони; я шла, наслаждаясь и этим лесом, и солнцем, и свежим воздухом, наполненным ароматами ягод и хвои. Не помню более чудесного мига за всё то время, что я провела в замке Остина. Здесь я не боялась сказать лишнего слова, а там даже думать о чём-то своём не могла. Каменные стены больше не давили на меня, и я чувствовала себя разбитой, но свободной и счастливой.

Как жаль, что этот миг продлился так недолго, ибо в тот самый момент, как я ощутила красоту и гармонию этого мира в своей душе, из-за деревьев показались вооружённые до зубов всадники, что направились прямо ко мне.

Глава 3

Прошлое

Подготовка к свадьбе заняла всего два месяца. Я и боялась, и ждала этого дня примерно одинаково, то желая немедленно расторгнуть помолвку, то мечтая поскорее оказаться в объятиях будущего мужа. Вообще всё, что происходило со мной тогда, было крайне противоречиво, с какой стороны бы я на это не смотрела. Мой жених, король Остин, был весьма привлекательным и в то же время чрезвычайно отталкивающим человеком. Его внешность, мужественность, умение держаться на людях как подобало королю, манили меня. Но то чувство опасности, что исходило от него, заставляло дрожать при одной мысли о первой брачной ночи.

С отцом мы так и не поговорили насчёт его скоропалительного решения отдать меня замуж за оборотня. Я чувствовала обиду, а он, предвидев это, не желал слушать мои речи и просить за то прощения. Не таким был король Вилур. Благо королевства и людей было для него превыше чувств собственной дочери, и я знала, что в чём-то он был прав. И всё же простить не могла.

Лучшие портные со всего королевства были приглашены в королевский замок, чтобы сшить мне не только свадебный наряд, но и новый гардероб. Я не знала, как было принято у оборотней, но у нас замужние женщины одевались куда более строго, чем девушки на выданье. А это значило, что мне придётся расстаться с любимыми платьями и теперь носить другие, более тёмные и закрытые.

Однако здесь я была принцессой, а выйдя замуж за короля Остина я должна была стать королевой, и мои наряды всё равно должны были ослеплять простой народ. Поэтому, помимо портных, в замке моего отца собрались так же лучшие ювелиры и кожевники. Я должна была блистать с первого дня, проведённого в качестве королевы королевства оборотней.

Так, за суетой, я и не заметила, как пролетели эти два месяца, и пришло время отправляться в путь. К этому моменту я уже успела свыкнуться с тем, что больше не вернусь в родной дом, по крайней мере, длительное время. Однако, кроме детских и юношеских воспоминаний, меня здесь ничего особо не держало. И, простившись с прислугой, я отправилась в путь.

На этот раз наша делегация была куда скромнее, чем в прошлый. Дело можно было считать решённым, и со мной отправились лишь отец и охрана, пара вельмож и моя личная служанка Кэтти. Перед отъездом она так плакала и убивалась, словно это её, не спросив, выдают замуж за короля-оборотня, а не меня, её госпожу. Однако я понимала её: ехать в чужой, полный нелюдов край, которые, можно сказать, ещё вчера были нашими врагами, было не самым приятным событием. Но ей, в отличие от меня, предстояло вернуться домой.

Но мы все должны были чем-то пожертвовать, в том числе, и она, раз однажды ей повезло (или нет) стать моей горничной.

К свадебному торжеству всё было готово. Надо сказать, по традиции оборотней все расходы на свадьбу взял на себя мой будущий супруг, это было делом чести. Что же, я понимала и его, хотя мне и самой хотелось внести свою лепту в выбор украшений зала и прочее, чтобы не чувствовать себя чужачкой на этом празднике в нашу честь. Но и с этим можно было смириться.

А ещё мне предстояло пережить первую брачную ночь, о которой я знала лишь понаслышке от замужних подруг и сплетен служанок, которые вечно думают, что их никто не слышит. Конечно, я знала, что будет не просто и всё же ждала этой минуты с тем же нетерпением и опаской. Но бояться не стоило. Наверняка король Остин был куда более опытен, чем я в этом вопросе, ведь человеку его положения не пристало быть целомудренным до обретения законной жены. Это я тоже подчеркнула из тех же источников, о которых говорила ранее. Зато

моя надежда всё же испытать удовольствие в первую брачную ночь наверняка сбылась бы в полной мере.

Зал для торжеств в замке Остина представлял собой причудливое смешение двух наших миров. Высокие своды, обтянутые серебристым шелком, мерцали в свете тысяч восковых свечей, закрепленных на железных канделябрах, выкованных в форме волчьих голов. Между каменных колонн висели знамена с гербами нашего рода и гербами оборотней - переплетенные золотые розы и серебряный клык на алом поле. Длинные дубовые столы ломились от дичи и фруктов, но меня поразили не они, а центральное украшение - живая белая сирень, вплетенная в тяжелые драпировки у трона. Ее горьковатый, холодный аромат, тяжёлый и навязчивый, витал повсюду, смешиваясь с запахом воска и дыма. Казалось, сама атмосфера здесь была двойственной: королевская пышность обретала диковатый, почти лесной оттенок, напоминая, в чьих владениях я теперь нахожусь. Но мне предстояло привыкнуть и к этому.

Мой жених встретил нас лично, всем своим видом показывая, насколько он ценит наш союз. Не только брачный – ведь это было только начало. Договоры и прочие сделки будут заключены уже после свадьбы, и в них я не буду участвовать. Мой отец не для этого отдавал меня замуж за короля наших врагов, чтобы не пользоваться плодами этого союза.

Однако всё оказалось не так уж и плохо. И само торжество, и пир в честь нашей семьи, и первая брачная ночь, что лишь вначале показалась мне страшной. Напротив, мой муж был великолепен в постели, нежен и внимателен, о чём я и мечтать не могла. Мы занимались любовью всю ночь напролёт. А утром я проснулась и вышла к своему новому народу уже будучи законной королевой.

Глава 4

Настоящее

Закричав, я бросилась в противоположную сторону. Только не это! Всадники поспешили за мной, намереваясь перехватить, и где мне было тягаться с быстроногими лошадьми?! Они настигли меня в два счёта, окружив, заставив остановиться. Но я не хотела возвращаться к своему мужу, не хотела умирать, когда была так близко к свободе и уже даже вдохнула её запах полной грудью!

- Нет, нет! Отпустите! – закричала я, когда один их мужчин, спешившись, подошёл ко мне и схватил за руки. – Я не вернусь к нему! Лучше убейте меня прямо сейчас!

Но усатый воин, закованный в доспехи, с непониманием посмотрел на меня, а после усмехнулся, обращаясь к своим товарищам:

- Похоже, ненормальная... Эй, голубка?! Что у тебя с головой?

Они все вместе заржали точно их лошади, а после усатый вновь обратился ко мне:

- Откуда ты здесь? – спросил он, и я поняла, что это вовсе не люди моего мужа. Да и не знакомы они мне были совсем, а, значит, у меня появилась надежда.

- Я... заблудилась, - соврала я, но иного выбора не было. – И не смогла найти дорогу домой...

- И где же ты живёшь? – продолжал наседать усатый, и мне вовсе не было понятно, верит он мне или нет.

- Там, - я неопределённо махнула рукой в сторону леса. – Где-то...

- Хм, - усач опять обернулся к своим товарищам, внимательно наблюдавшим за нами с высоты спин лошадей. – А ты случайно не шпионка, что забралась сюда дабы навредить нашему господину?

- К-какому господину? – мой голос дрогнул, и это выдало меня с головой.

- А мы тебя сейчас с ним познакомим... - весело пообещал солдат, хотя в его глазах не было и намёка на весёлость. Наоборот, кроме маниакальной подозрительности, граничащей с желанием выслужиться перед своим господином, я там больше ничего не обнаружила.

- Прошу, нет... - прошептала я, но он меня больше не слушал.

- Полезай на лошадь, иначе я тебя через неё перекину...

Деваться было некуда. Я взобралась на спину животного, молясь всем человеческим богам сразу, чтобы эти люди и впрямь отвезли меня к своему господину, если он, конечно же, не был моим мужем. А то ведь известно, что бывает на уме у служивых, почти не видящих женской ласки, но уж если добыча сама попала к ним в руки – грех было отказывать себе в таком удовольствии.

Было очень неудобно после всех моих злоключений сидеть вот так на лошади, спиной прижимаясь к груди незнакомого мужчины, от которого пахло как в трактире, что кроме брезгливости ничего вызывать у меня не могло. Но зато мои ноги получили передышку, и я очень надеялась, что меня вскоре отпустят, как только выяснят, что никакой угрозы я не представляю.

Лес закончился неожиданно быстро, я и глазом моргнуть не успела. А, может быть, мне это лишь показалось, ведь за пеленой переживаний я не могла нормально оценить проведённое в седле время. Дорога сморила меня, и я находилась в полусне – полубодорствовании.

После того, как деревья перестали мешать видимости, я увидела огромный замок с обширной прилегающей к нему территорией, обнесённый каменной неприступной стеной и поражающий воображение своим видом.

Серо-чёрный камень стен отливал синевой у подножия и золотом на вершинах, отражая ослепительный солнечный свет. Башни вздымались в небо острыми чёрными шпилями, прон-

зающими белые облака. От этого замка буквально веяло седой древностью, непоколебимой тишиной, хранящей много тайн и секретов. В какой-то момент мне даже захотелось к ним прикоснуться, но усатый солдат, грубо сдёрнув меня с лошади, повёл меня не к этому замку, а совершенно в противоположном направлении.

Я молчала и подчинялась ему до тех пор, пока не увидела, куда именно мы идём. Низкие и тёмные казармы, заполненные клетками, в которых сидели заключённые, дышали в лицо смрадом и нечистоплотностью здешних обитателей. Оно было и не удивительно – где это было видано, чтобы заключённые принимали ванну или им меняли постельное бельё? У них и кроватей-то нормальных не было, а спали они в лучшем случае на нарах или на тюфяках, набитых жухлой соломой, которые переходили от одного хозяина к другому, когда предыдущий умирал и место его освобождалось.

- Зачем мы здесь?! – я резко развернулась к усатому, а тот лишь недоумённо вскинул брови.

- Надо же мне тебя где-то оставить прежде, чем представить хозяину, – буркнул он. – Знаешь ли, мне нужно отдохнуть и умыться, отлить и позавтракать, а ты пока подождёшь меня здесь. Не бойся, *они* до тебя не дотянутся...

С этими словами он буквально втокнул меня в ближайшую свободную клетку и, с шумом захлопнув дверь, провернул ключ в замке.

- Пстой! – бросилась я на дверь, схватившись обеими руками за прутья решётки.

- Что ещё? – нехотя обернулся служивый.

- Ты не можешь меня здесь оставить! – заявила я, понимая, что не мыслю здесь провести и минуты.

- Ещё как смогу! Не тащить же тебя с собой?

И он, отвернувшись, зашагал прочь. Едва солдат ушёл, как шербатые, уродливые лица в соседних клетках тут же уставились на меня, только и ожидая этого.

- Красивая, – осклабился один из них и прямо через решётку потянул руку в мою сторону.

Я знала, что он не сможет дотянуться, и всё же внутри меня всё сжалось от отвращения. А потому, закрывшись руками, я опустилась на край соломенного тюфяка и принялась ждать милости богов, если они, конечно, ещё не совсем забыли про меня.

Глава 5

Прошлое

С того самого дня, когда мы обменялись кольцами и клятвами, многое изменилось. Да, мне ещё предстояло выучить обычаи оборотней и здешние правила, но в целом тогда мне казалось, что я нашла своё место в жизни, которое, однако, не так уж меня и устраивало. Я стала королевой, но, как оказалось, только на словах. Мне мало что было можно и много чего нельзя, то есть жена короля Остина должна была оставаться тихой и покорной тенью своего мужа, но при этом соответствовать его высокому статусу.

В моём распоряжении были слуги – не все, а лишь те, что работали в замке. Я могла сама выбрать наряд или посоветовать поварам что-то приготовить на обед. Но всё, что казалось политических и военных дел, было запрещено. Остин попросту не подпускал меня к картам и не позволял присутствовать на собраниях своих военачальников, исключительно мужчин, причём часть которых была людьми – договор с моим отцом не прошёл даром, и союзнические отряды всё чаще встречались в королевстве оборотней.

Это было так странно – чувствовать себя дурёхой и неумехой, ведь отец, наоборот, с детства приучал меня к подобным собраниям и говорил, чтобы я побольше молчала и слушала, о чём толкуют умные люди. И я запоминала, как губка, названия городов, деревень, болот и дорог, и со временем мне это стало даже нравиться. Но отец готовил меня править нашим королевством, а волею судьбы я оказалась в другом, где было всё несколько иначе.

Где мне ясно было сказано, что место женщины – это кухня и спальня, и большего от неё ни ждать, ни требовать никто бы ни стал. И уж тем более не подпускать к «умным» мужским разговорам.

Но я была гораздо умнее, чем мой муж мог предположить. Да, днём я занималась замком, насколько мне позволяло положение, вышивала и вязала, а вечера проводила в королевской библиотеке – благо, оттуда меня никто не выпроваживал. Они не знали, что в своём родном доме я прочла все книги, что имелись там, ни по одному разу, а их было просто бессчётное количество. Наверное, мой супруг думал, что я читала там любовные романы, но на самом деле я увлекалась историей и географией – всем тем, что могло помочь мне в управлении королевством.

Поначалу я пыталась спорить с Остином, доказывая ему, что и женщины бывают на многое способны, но, натолкнувшись на стену непробивного непонимания, я отступилась, решив действовать не столь открыто. И хотя надежды на то, что я буду признана равной своему мужу, почти не было, сдаваться я не хотела. А потому продолжила свои походы в библиотеку – единственное во всём замке место, где могла чувствовать себя самой собой.

Король Остин мало интересовался моими делами, а потому, зачитавшись очередной интересной книгой, я засиделась там допоздна. Никто не вспомнил обо мне, не пришёл позвать на ужин, но меня это устраивало: не так уж много я сегодня и работала, а потому была не голодна. Но книга закончилась, и я, поставив её на то место, где и взяла, потянулась за следующей.

Каково же было моё удивление, когда, коснувшись корешка и потянув на себя привлекшую моё внимание книгу, я услышала протяжный скрип открывающейся двери – это отъехала в сторону одна из книжных полок, которая и была этой дверью, тщательно замаскированной под часть библиотеки.

Это был, без сомнения, тайный ход – узкий, тёмный, уводящий куда-то вниз. Я бы была не я, если бы не попыталась выяснить, куда именно. С опаской взглянув на выход из библиотеки, я взяла небольшой магический факел, подобрала платье и отправилась туда, за что мне явно бы попало, узнай мой супруг об этом.

Огонь выхватил из темноты целые занавеси паутины, спускавшейся с потолка и стен, и мне пришлось приложить усилие, чтобы пробраться дальше. Платье потом придётся отдать в чистку, но оно того стоило. После стольких месяцев скукоты, я наконец-то нашла что-то такое, отчего моё сердце то замирало в немом восторге, то начинало биться так быстро, что я едва за ним поспевала.

Каменные стены были тёмными и холодными, мне казалось, что здесь давно никого не было – несколько лет точно, и всё же было очень интересно, куда мог меня привести этот тайный проход.

Чем дальше я продвигалась по нему, тем сильнее было моё любопытство. И даже страха почти не было, только слепая уверенность в том, что в конце я найду что-то действительно достойное.

Когда я услышала чьи-то приглушённые голоса, то поняла, что выход близко. Но действовать опростетчиво не собиралась. Я, затаив дыхание, медленно приблизилась, обнаружив дверь, запертую как раз-таки с моей стороны. В двери имелся небольшой глазок и я, прижавшись к дырочке, заглянула в него.

Но то, что я увидела, заставило меня похолодеть от страха.

Это была небольшая квадратная комната с грязно-жёлтыми стенами, оборудованная немислимыми железными приспособлениями, о назначении которых я могла только догадываться.

Вдоль одной стены, как инструменты в мастерской, висели железные орудия: шипастые «груши» для раскрытия, щипцы с зазубренными краями, клещи, блестящие маслянистым блеском. Посередине комнаты возвышался деревянный козел с острым углом - «кобыла», чьё дерево было темным и гладким от множества прикосновений. Ржавые цепи, прикованные к стенам, оканчивались не простыми кандалами, а массивными наручами с внутренними шипами. Для тех, чья плоть могла менять форму, требовались особые меры предосторожности.

Напротив, в стороне, стоял стол, заваленный тряпьем и пузырьками – «аптека боли». А на каменном полу, в ёмкости для стока, мерцали тёмные, почти чёрные пятна. Они впитывали свет, и я знала, что ни одна тряпка не отмоеет этот камень дочиста.

Но самым страшным «экспонатом» в этой комнате был человек, распятый цепями на железном приспособлении, похожем на крест...

Глава 6

Настоящее

Не знаю, сколько времени я здесь просидела, задыхаясь от вони и умирая от жажды, но мне показалось, что прошла целая вечность. Другим заключённым в конце концов надоело надо мной подтрунивать, делая нескромные предложения и описывая, как в их понимании всё это должно было происходить. Я просто не обращала на них внимания, закрывшись от всего мира руками, и они отстали. Лишь изредка кто-то пытался чем-нибудь меня поддеть, но я даже не слушала, и им становилось неинтересно.

Иногда я поглядывала на дверь, ожидая возвращения того усача, что запер меня в этой клетке. Он не торопился, наверняка у него были дела поважнее. Например, набить брюхо досыта, залив всё это чем-нибудь покрепче, и полежать после сытного обеда. У меня же со вчерашнего дня даже крошки хлеба во рту не было.

Когда двери заскрипели, я с надеждой уставилась туда, откуда мог появиться этот солдат. Но вместо него увидела другого, ещё более неприятного типа с заросшей щетиной лицом и таким видом, будто он был здесь неким божеством. Невысокий, с оплывшей от обжорства фигурой, лысоватый, но при этом такой высокомерный, словно он и был королём этого королевства. Однако потёртый старый плащ и стоптанные до безобразия сапоги выдавали его истинное положение в обществе.

- Посмотрите, кто явился... - зашептали мужчины в соседних клетках. – Его пьянейшее Гук...

Иные даже отвесили ему шутовские поклоны, а один из заключённых присел в импровизированном реверансе. Кажется, этого солдата здесь не любили, но мне надело сидеть здесь и ждать неведомо чего.

- Извините! – громко произнесла я, привлекая к себе его взор. – Можно узнать, когда меня уже проводят к вашему господину?! Я уже устала ждать...

Тот, вначале не обратив на меня никакого внимания, медленно подошёл к моей клетке и принялся разглядывать меня, как какую-нибудь диковинную зверушку. Визуально оценив меня по достоинству, Гук хитро прищурился и глаза его загорелись маслянистым блеском.

- А что это за птичка к нам сегодня угодила в ловушку? – его голос, противный скрипучий фальцет, напомнил мне блеяние овец в овчарне, и всё же я собиралась добиться своей цели.

- Простите, но Ваш... предшественник сказал, что отведёт меня к господину. Однако, как мне кажется, он просто забыл про меня, заперев здесь!

Гун, смерив меня взглядом ещё разок, вдруг усмехнулся:

- Какая жалость, - произнёс он. – Должно быть, бедняга Санчо и впрямь забыл... У него бывают проблемы с памятью. Но я могу это исправить и проводить тебя куда нужно.

- Когда? – ухватила я за эту новость, не заметив подвоха в его словах.

- Да прямо сейчас, чего тянуть? – Гук загремел ключами, висевшими у него на поясе, не с первого раза попав в замочную скважину.

Он придержал дверь, пока я выходила наружу то и дело оглядываясь, и прошёл следом за мной под улюлюканье и пошлые шуточки местных заключённых.

Оказавшись на свежем воздухе, я всё никак не могла поверить, что наконец-таки покинула это место. Но моя одежда, мои волосы и моя кожа настолько пропахли этой ужасной тюрьмой, что мне даже было стыдно показаться на людях в таком виде. Кроме того, платье моё изрядно помялось и запачкалось. Теперь я и впрямь напоминала себе больше бродяжку, а не королеву, пусть и сбежавшую без оглядки от своего мужа. И я очень надеялась, что господин, к которому меня должны были отвести, был не Остин.

Однако местность показалась мне явно незнакомой, и в груди теплилась надежда, что я забралась достаточно далеко, чтобы не попасть обратно в лапы к своему мужу. Иначе смерть была бы неизбежной.

Мы шли по людной улице, где, как мне казалось, все только и делали, что смотрели в мою сторону. Я была здесь чужой и, наверное, поэтому так бросалась в глаза. Но сейчас мне нужно было как можно скорее обрести свободу и найти пристанище. Увы, но я просто не знала, что мне делать дальше, ведь я сбежала, не имея с собой ни одной монеты, и даже поесть мне было не на что.

Путаясь в своих мыслях, я и не заметила, как мы свернули с главной улицы и оказались в неприветливых переулках. Здесь было как-то грязно, темно и почти никого не было. Это зародило во мне нехорошее предчувствие, и я, обратившись к своему провожатому, спросила:

 - Извините, а мы точно идём по той дороге?
 Тот, осклабившись и сверкнув жёлтыми зубами, усмехнулся.

- Конечно, уверен. Чего-чего, а уж дорогу к своему дому я точно знаю...

- К своему... дому? – для чего-то переспросила я, вмиг напрягшись. Сердце заledenело от страшной догадки, и я попятилась от мужчины, догадавшись о его истинных намерениях.

- Куда же ты собралась, милочка? – тот не переставал лыбиться, продолжая наступать на меня. – Мы ещё не пришли...

- Вы обещали проводить меня к своему господину! – в отчаянии воскликнула я.

- И вовсе нет, - довольный самим собой, медленно произнёс Гук. – Я сказал, что отведу тебя куда надо, но не сказал – кому надо...

И заржал точно лошадь, довольный своей шуткой.

Я завертела головой по сторонам, осознав, что попала в ловушку.

- Ну, иди же ко мне, не бойся, я буду нежен... - произнёс негодяй, подходя ко мне всё ближе и ближе, и вскоре мне в лицо пыхнул мерзкий запах из его рта – смесь нечищенных зубов и пережаренного лука.

Меня замутило от одной перспективы стать жертвой этого мужлана. Но поблизости не было никого, кто мог бы мне хоть как-то помочь...

Глава 7

Прошлое

Сердце забилося чаще, ведь я не знала, как поступить. Наверное, правильным в этой ситуации было развернуться и уйти, и вообще забыть и об увиденном в камере, и об этом потайном проходе. Но я не могла. Даже оторвать взгляд от этого несчастного мне не удавалось, настолько мне было его жаль. Краска стыда залила лицо, как будто это я была повинна во всех его бедах! Не знаю, отчего я так решила – может быть, потому что от природы своей была слишком жалостливой, а, может потому, что знала, что за всем этим стоит мой супруг.

Несколько долгих секунд я ещё колебалась, но после решительно отодвинула ржавый засов и распахнула дверь. Осторожно переступила порог пыточной, пройдя вглубь и ещё раз осмотревшись. В нос ударил тяжёлый запах крови и каких-то лекарственных трав. Должно быть, несчастного пытали, а после, чтобы он не умер раньше времени, подлечивали, продлевая его мучения.

Прислушавшись, чтобы случайно не столкнуться с кем-то, кто мог попасть сюда через другую дверь, я убедилась, что там никого нет. По крайней мере, было так тихо, что гостей явно не намечалось. И тогда я подошла к мужчине, что висел на железном «кресте» и тихо стонал.

Он был обнажён по пояс, не имел обуви и все видимые участки его тела были покрыты свежими ранами, из которых выделялась сукровица. На вид мужчине было не больше тридцати, хотя я могла и ошибиться, потому как лицо его заросло густой бородой, и я не знала сколько времени он тут находился и что успел пережить. Тёмные волосы, давно не мытые, висели безжизненными сосульками, пропитанными кровью и потом. Изнеможенное тело ещё сохранило остатки былой мужской красоты, но сейчас больше напоминало исхудавшего от возраста старика.

И всё же не это было самым ужасным во всём облике этого мужчины. Его глаза... Вернее, пустые глазницы, залепленные спёкшейся кровью. Он был слеп и не мог даже видеть лица своих мучителей, не мог попытаться сбежать, а лишь только в ужасе догадываться, какая следующая пытка его ждёт. Не знаю уж, за что Остин повелел его так наказать, но я и не представляла, каким нужно быть бесчувственным монстром, чтобы так издеваться над человеком!

Медленно, словно во сне, я приблизилась к нему и, протянув ладонь, коснулась его щеки, думая, что он пребывает в беспамятстве.

- Кто здесь? – мужчина дёрнулся, испугавшись, что его ждёт очередная порция боли, и я отскочила назад, напугавшись не менее.

- Я... не причиню Вам боли, - тихо произнесла я. – Скажите, что я могу сделать, чтобы облегчить Ваше состояние?..

- Воды... Дайте мне воды... - он едва мог шевелить губами, а потому я бросилась на поиски живительной влаги.

Она нашлась здесь, в ведре с ковшиком – вероятно, те, кто пытал этого человека, использовали её, когда тот терял сознание, чтобы привести в чувства. И вряд ли поили пленника в достаточном количестве.

Конечно, вода была не такой свежей, но другой здесь просто не было. И набрав полный ковшик, я поднесла его к губам мужчины. Нужно было видеть, с какой жадностью он выпил его до дна! А после попросил ещё.

Всё то время, пока он пил, я старалась прислушиваться, не раздаются ли шаги за дверью, но, скорее всего, сегодня они уже не должны были вернуться.

- Спасибо... - прошептал мужчина и вновь замолчал.

Из-за того, что у него не было глаз, я не знала, бодрствует он или нет, и, выждав ещё немного, вновь обратилась к нему:

- Позвольте, я обработаю Ваши раны?

Какое-то время он не отвечал, и я решила, что он уснул – в таком состоянии это было неудивительно. Но вскоре услышала слабый голос пленника:

- Если хотите...

На самом деле на железном столе было всё для этого: и специальные мази, и повязки, и обеззараживающие жидкости. Я знала, что нужно со всем этим делать, потому как, будучи принцессой, обучалась всему понемногу. В том числе, и врачебному делу. И, ополоснув руки водой, я принялась за дело.

Набрав нужной мази, я наложила её на раны несчастного. Он морщился, но терпел, понимая, что после ему будет легче. Увы, но отвязать я его не могла, потому как тюремщики сразу же догадались бы, что кто-то здесь побывал кроме них. Но облегчить страдания несчастного пленника я была просто обязана.

Бинты я тоже накладывать не стала, хотя с ними процесс заживления пошёл бы гораздо быстрее. Но я видела на коже мужчины множество различных шрамов, и удивлялась тому, что он до сих пор жив после стольких дней, а, может быть, и недель, мучений.

Брезгливости я не испытывала, наоборот, осознание того, что я могу помочь ему, грело мою душу. И я старалась изо всех сил.

Когда я закончила, мужчина вновь поблагодарил меня. Я заметила, что ему стало намного легче – не настолько, как было бы, если я сняла его с железного «креста», но всё же.

- Кто Вы? – спросил он, повернув голову в мою сторону. – Только не называйте имени, под пытками я и не такое могу рассказать... А я бы не хотел, чтобы Вы из-за меня пострадали.

- Я... здесь работаю, - запнувшись, соврала я. – А как мне обращаться к Вам?

- Роннер, - просто сказал он. – А теперь, пожалуйста, уходите. Эти люди могут вернуться в любую минуту...

Я и сама это понимала, но знала, что теперь не смогу спокойно уснуть, потому что буду думать об этом несчастном и его мучениях.

- Я постараюсь прийти завтра, - пообещала я.

Но он не ответил. И тогда, не дожидаясь лишних проблем, я нырнула опять в тот проход, из которого пришла сюда, и заперла засов на двери.

Пора было возвращаться.

Глава 8

Настоящее

Я попыталась сопротивляться, но он, несмотря на свою грузность, умело прижал меня к стене, намереваясь сделать *это* здесь и сейчас, раз уж я воспротивилась идти с ним в дом. Грязные руки зашарили по моему телу, словно я была какой-то уличной девкой. Но когда он попытался задрать мне платье и наклонился для этого, я резко ударила коленом ему под подбородок, отчего негодяй прикусил язык и взвыл от боли.

- Убью! – заревел он, словно медведь, не позволяя мне уйти, и тогда я начала сопротивляться в полную мощь, осознав, что если не помогу себе сама, то Гук меня просто изнасилует.

Я вцепилась ему в лицо ногтями, как тогда поступила со змеёй, и оставила на его лице кровавые полосы, едва не выколов глаз. Тогда он совершенно сбесился, грубо толкнув меня на землю. Я упала навзничь, а он навалился сверху, собираясь унижить меня ещё больше. Но рукой я уже нащупала камень и, воспользовавшись мигом, пока он добирался до моего нижнего белья, путаясь в пышных юбках, со всей силы ударила его в висок.

От этого удара мужчина обмяк, потеряв сознание, а я, с силой столкнув с себя его, быстро поднялась на ноги и рванула отсюда, опасаясь очередной погони.

Конечно, я могла привлечь этим к себе излишнее внимание, но не могла остановиться, гонимая страхом быть изнасилованной или даже убитой. Мне всё казалось, что толстяк очухался и бросился в погоню, а потому я постоянно оглядывалась, чтобы убедиться: это не так. Благо, людей на улице было не так много, и они почти не смотрели в мою сторону, и я могла убежать достаточно далеко, чтобы, нырнув в так вовремя оказавшийся на моём пути рынок, затеряться там в толпе людей и отдышаться.

Нестройные ряды лавок и шатров, раскинувшихся под открытым небом, были идеальным местом для этого. Схорониться, спрятаться, затаиться... Разноцветные балдахины и шумные торговцы, зазывающие посмотреть их товар, мельтешение покупателей сделали своё дело: я, наконец, почувствовала себя в относительной безопасности. И даже немного успокоилась, прогуливаясь между рядами и делая вид, что присматриваюсь к продающимся вещам и продуктам. Здесь так пахло копчёной рыбой, что за собственный запах, исходивший от моих волос и одежды, я не волновалась. Да и вообще публика здесь была разносортная, цветастая, самая разная. И я особо не выделялась на их фоне.

И всё бы ничего, но от близости пищи и умопомрачительных ароматов, что она источала, мой живот начал урчать так громко, что мне даже сделалось неловко. Женщине в моём положении ни то, что голодать – необходимо было придерживаться графика питания, а я, честно говоря, уже и не помнила, когда ела в последний раз.

А потому я начала приглядываться, нет ли здесь того, что можно забрать бесплатно? Вчерашних пирожков или подгнивших яблок... Но ничего такого в поле моего зрения не попадало, и тогда я решилась на отчаянный шаг.

Торговка фруктов о чём-то очень живо разговаривала со своей соседкой – той, что торговала орехами. Она отвлеклась совсем ненадолго, но мне хватило этого мига, чтобы стащить с прилавка большую зелёную грушу – она лежала с краю и так и просилась быть съеденной мной.

Но едва я ухватила за её бок, как горка других фруктов посыпалась, выдав меня и мои намерения с головой.

- Воровка! – тут же закричала торговка, багровея от возмущения на глазах, а я, не дожидаясь, пока кто-нибудь опомнится и схватит меня, бросилась сквозь ряды, чудом избегая столкновения с другими людьми и маневрируя среди них так, что можно было позавидовать в ловкости даже самой себе.

На этот раз я бежала, не оглядываясь. Будь что будет! Ведь желанная груша по-прежнему была зажата в моей руке, и я намеревалась съесть её, как только окажусь в более или менее безопасном месте. Но на том везение моё закончилось, и я растянулась на мостовой, выронив единственный продукт питания, что у меня был, который тут же попал под колёса проезжающей мимо кареты.

От боли и досады побелело в глазах. Я готова была расплакаться, но в этом просто не было смысла. Так ужасно, как сейчас, я себя ещё никогда в жизни не чувствовала, и самым плохим было то, что никаких перспектив для себя в жизни я тоже уже не видела.

Наверное, мне стоило остаться в замке и принять смерть от руки мужа, чем так страдать. Да, сейчас я была свободна и вольна, но что мне было делать с этой свободой?

Ноги дрожали от быстрого бега, а руки были так слабы и беспомощны, что я только и сумела найти в себе силы, чтобы добраться до ближайшей скамейки, что стояли тут почти на каждом шагу. Мне было плохо – настолько, что кружилась голова и мысль о смерти уже не столь пугала, превращая её постепенно в желанный вариант развития событий. Люди шли мимо, им было всё равно до бродяжки, коих, наверное, здесь насчитывалось бессчётное количество. Никому не было дела, что случилось с ними, или что случится потом. Я только сейчас осознала, насколько тяжело было безродным, лишённым дома и связей людям. Наверное, жизнь их была так же коротка, как фитиль сгорающей свечи. И теперь я стала одной из них. А, значит, должна была разделить эту участь.

Блуждая в своих нерадостных мыслях, я и не заметила, как рядом со мной остановилась какая-то фигура. А когда я осознала это, первым моим порывом было бежать, ибо хорошего я уже не ждала ни от кого в этом мире...

Глава 9

Прошлое

Обратно я шла, сжимая в руке всё тот же магический факел, что не способен был спалить тут всё, но светил всегда отменно, и теперь молилась всем богам, чтобы мою внезапную пропажу не обнаружили. Когда в конце пути замаячил свет, я передумала уже столько всего, накрутила себя настолько, что готова была признаться мужу во всём здесь и сейчас.

Но, благо, по ту сторону тайной двери никого не оказалось. Я была в библиотеке одна и это было лучшим итогом сегодняшнего дня. Прикрыв потайной проход, я оправила одежду, поймав себя на мысли, что веду себя так, будто изменила Остину. В какой-то степени оно так и было, вот только не в физическом, не в любовном плане. Но я пожалела его врага, проявив к нему милосердие и не испытывала по этому поводу никаких мук совести. Напротив, считала, что всё делаю правильно.

Поднявшись к себе, я поняла, что моего мужа до сих пор не было в спальне. Это было к лучшему. Врать я не умела, а он был настолько проницателен, что чуял обман за версту. Вместо этого я разделась, омыла тело в личной купальне, избавившись от запаха пыточной, что, возможно, пропитал мою одежду, пока я была там. Служанку звать я не стала, ибо со всем прекрасно справлялась сама. А ещё мне очень хотелось побыть в одиночестве, переварив в голове весь тот кошмар, что открылся мне сегодня за потайным ходом в библиотеке.

Я долго не могла уснуть, перед глазами так и стоял образ того несчастного мужчины, привязанного к железному «кресту». Мне было невыносимо жаль его, и всё же помочь я не могла. И это тоже не давало мне покоя.

Не знаю, во сколько вернулся мой муж-король, да и возвращался ли он вообще, но утром в постели я была одна. Но об Остине я переживала меньше всего: вместо него мою голову заполняли мысли о том незнакомце. Я тяжело вздохнула, ведь покоя ни днём, ни ночью он мне просто не давал!

Позавтракав и промаявшись полдня в поисках решения этой задачи, к вечеру я опять решила навесить Роннера. Нет, всё это время я пыталась заставить себя забыть о существовании этого человека! Но чем больше я об этом думала, тем сильнее меня глодала совесть. Жизнь королевы, пусть и практически бесправной, сильно отличалась от жизни слуг и уж тем более, от жизни пленников. Не знаю, зачем я мучала себя этими мыслями, ведь Роннер был не первым и не последним несчастным, захваченным в плен моим мужем. Наверняка их были сотни, если не тысячи. И раньше я не задумывалась об их судьбе, для меня их просто не существовало!

Но то, что я увидела в застенках пыточных, перевернуло мой мир с ног на голову. И я ещё жаловалась на судьбу, когда отец, не спросивши, выдал меня замуж за короля Остина. И всё же внутренние колебания были такими сильными, что мне стало по-настоящему плохо.

Вечером, отправившись в библиотеку, я не могла сосредоточиться на тексте очередной книги, что читала. Вернее, пыталась читать, потому как мой взгляд то и дело возвращался к потайной двери, и я из последних сил пыталась сдержаться. Но сама не поняла, как оказалась рядом, а после уже нащупала нужную книгу-рычаг и переступила порог распахнувшейся двери.

На этот раз я не пылала тем восторгом, что вчера, ожидая чего угодно, но только не того, что в результате я увидела. Воодушевление пропало, а его место занял страх быть пойманной с поличным. И самое время было развернуться и бежать. Но моё тело словно не слушалось меня.

Дойдя до конца, я вновь услышала голоса и крики, и внутренне содрогнулась, застав момент пыток. Палач, одетый как мясник, был профессионально спокоен, он делал свою работу бесстрастно, а вот тот, кто стоял с ним рядом во время этого, едва ли не мурлыкал от восторга. Я поняла это по тембру его голоса, когда тот одобрительно подбадривал палача, чтобы тот

причинил как можно больше боли и без того измученному мужчине. И самым ужасным было то, что тот голос принадлежал моему мужу.

Наверное, именно тогда я поняла, каким монстром на самом деле является король. Он не просто наказывал в чём-то провинившегося пленника, а наслаждался его болью, едва ли не захлёбываясь от восхищения.

Собравшись с духом и взглянув в глазок, я смогла убедиться в этом лично. Нет, мне не показалось – это был Остин. И да, он был настолько увлечён происходящим процессом, что не мог глаз отвести от поистине леденящего кровь действия.

В какой-то момент палач вонзил нечто острое в живот истязаемого мужчины, и тот закричал, задыхаясь от боли. Для меня это случилось столь же неожиданно, и я, не сдержавшись, вскрикнула, тут же зажав себе рот рукой и ругая себя за глупую оплошность.

Благо, мой голос потонул в крике того несчастного, но супруг, словно что-то заподозрив, повернул голову и вскинул взгляд прямо на меня!

Испугавшись, я забыла, зачем вообще сюда пришла. Подобрав платье, бросилась со всех ног обратно, надеясь, что шум от топота моих ног там не услышат. До чего мне было страшно тогда! А потому я, не задерживаясь, как можно скорее захлопнула потайную дверь и не надеясь на милость богов, рванула подальше от библиотеки, очень надеясь, что муж меня не заподозрит.

Я отправилась в спальню, чтобы притвориться спящей, а если Остин по этому поводу начал бы задавать вопросы, я бы сказала ему, что неважно себя чувствую. И это было недалеко от истины.

И через несколько минут я убедилась в своей правоте: муж явился в нашу спальню, широко распахнув дверь. И я просто не знала, что он сейчас со мной сделает...

Глава 10

Настоящее

- Что с тобой случилось, милая?

Сердобольная седая старушка чуть склонилась ко мне, заглянув в лицо. Кажется, её в самом деле беспокоило то, что со мной произошло. А я, поняв, что это не стражники из клеток и не торговки с рынка, смогла подавить в себе порыв к бегству. Но и слова произнести не смогла. Слезы полились бурным потоком, и вместо вразумительного ответа равнодушная старушка услышала лишь рыдания.

- Ну, полно, - она подошла ещё чуть ближе, приобняв меня, и я, почувствовав человеческое тепло, прижалась к ней, словно мы были родными. – Поплачь, если станет легче. Но после выслушай меня: любой беде можно помочь.

- Наверное, это не про меня, - шмыгнула я носом, понимая, в какой ужасной ситуации оказалась. – У меня нет ни крова, ни родных, ни денег... Я просто не знаю, как буду жить дальше!

- Хм, - призадумалась старушка. – Кажется, я знаю, как помочь твоей беде...

Я просто не верила своим ушам, а потому переспросила:

- Правда, можете?..

Наверное, надежда, что прозвучала в моём голосе, была настолько отчаянной, что старушка тут же кивнула и приободряюще улыбнулась. Мне показалось странным то, что в столь почтенном возрасте она смогла сохранить все зубы и выглядела намного лучше, чем большинство её ровесниц. Но я не стала заострять на этом внимание, лишь отметила, что такое было почти невозможно.

- Да, - произнесла она тихо. – Я как раз хотела предложить тебе пожить у меня. Я содержу небольшую прачечную, а девушки-сироты – такие же, как и ты, мне помогают. За это я даю им крышу над головой и еду. И держу над ними покровительство.

Для меня сейчас это был лучший вариант! Всё, что мне было сейчас нужно, это спрятаться, затаиться и смешаться с местной публикой, сделав вид, что я одна из этих людей. Как будто сама судьба благоволила мне, послав сюда эту старушку.

- Я согласна, - произнесла я.

- Вот и славно, - пожилая женщина вновь улыбнулась. – Можешь звать меня бабушкой Марджи – ко мне все мои девочки так обращаются.

Я кивнула и поднялась со скамейки.

- Хорошо, - я кивнула и тоже представилась. – Я – Лиира.

Бабушка Марджи махнула мне рукой, приглашая следовать за ней. Я с радостью сделала это, понимая, что наконец обрету хоть какую-то крышу над головой и поем. А уж со всем остальным буду разбираться позже.

Идти пришлось недолго, прачечный домик, принадлежащий Марджи, располагался в промышленном квартале наряду с другими домами, оказывающими услуги. Разномастные вывески гласили, что здесь находились так же дома швей, ремонтная мастерская, сапожники, зельевары и аптекари. Чуть дальше тянулся целый ряд кузниц, откуда тянуло тяжёлыми запахами горячих металлов, копотью и гарью.

Гораздо лучше пахло в квартале пекарей, но там я чуть с ума не сошла от голода, захлёбываясь собственной слюной, мечтая, как можно скорее дойти до нужного места.

Прачечный домик бабушки Марджи был неказистым снаружи, обшарпанным и давно не белёным. Уже на подходе к нему в воздухе начало тянуть тёплой мыльной водой и сыростью, но это было неудивительно. Внутри было душно, словно сама прачечная располагалась прямо у

входа. Но едва я переступила порог, как поняла, что всё здесь просто пропахло этой сыростью, и нужно было привыкать уже сейчас.

- Санна! – громко позвала Марджи кого-то, и вскоре в прихожей показалась молоденькая девушка с повязкой на волосах и разбухшей от воды кожей на руках.

Она была симпатичной, но словно напуганной, с большими синими глазами и пухлыми, как у ребёнка, губами. Не здороваясь ни с хозяйкой, ни со мной, она молча уставилась на бабушку Марджи, ожидая, что та ей скажет.

- Санна, познакомься, это Лиира, - представила нас друг другу старушку. – Теперь она будет жить и работать с тобой и другими девушками. А пока что напои и накорми её, и расскажи, как тут всё устроено.

Девушка покорно склонила голову и жестом пригласила следовать за ней. Она привела меня на кухню – наверное, единственное место, где пахло чем-то иным, а не мылом.

Санна была сдержанна, она не пыталась как-то завязать разговор, молча выставив передо мной на стол тушёные овощи и сыр, мочёные яблоки и плеснув в кружку какой-то ароматный напиток из трав. Пища была не ахти какой, но сейчас она показалась мне поистине королевской трапезой! И я жадно, забыв обо всех приличиях, набросилась на неё, уплетая за обе щёки всё, что было на столе.

Санна молча, с каким-то странным выражением на лице наблюдала за мной, и мне стоило бы вести себя поприличней, но... Я устала, оголодала и вынесла столько всего за последние сутки, что на приличия, признаться, мне было всё равно. Однако поблагодарить девушку всё равно стоило.

- Спасибо, - произнесла я. – Прости, что я так невежливо веду себя, просто я очень давно не ела...

На лице Санны промелькнула, но тут же погасла робкая неловкая улыбка. Но и на это она мне ничего не ответила.

- Покажешь мне, где и как вы работаете? – спросила я. Конечно, усталость валила меня с ног и мне хотелось передохнуть, но в первые же мгновения пребывания в этом доме я не могла зарекомендовать себя белоручкой и лентяйкой.

- Покажу...

Это было первым словом, что произнесла девушка за всё время. И я несказанно обрадовалась, уже было решив, что она немая. Но Санна опять открыла рот, желая что-то ещё мне поведать, но также быстро закрыла его, отведя взгляд в сторону. В тот же миг я заметила возникшую на пороге кухни фигуру бабушки Марджи. Она улыбалась, поглядывая то на меня, то на Санну, но в этот раз взгляд её был холодным и каким-то острым.

- Покушала? – спросила она меня и, получив положительный ответ, довольно хмыкнула. – Значит, пора приступать к делу. Да, Санна?

И та, отчего-то побелев, спешно кивнула, и, схватив меня за руку, повела куда-то за собой.

Глава 11

Прошлое

Остин замер у порога, не зная, как поступить. Наверное, он не ожидал меня здесь увидеть. Или ожидал, но несколько в ином виде – запыхавшуюся, растерянную, напуганную. Но это я так себе представляла, на деле же всё могло быть совсем иначе. Вот зачем я ввязалась во всё это, подставив себя под удар? Лезть в дела мужа было последним, чего он от меня ждал. Но, вспомнив страдания того несчастного, которого король держал в пыточной, я отмахнулась от малодушных мыслей, что переполняли меня сейчас из-за страха.

- Лиира, - позвал он тихо, и я неспешно повернула голову, чтобы встретиться с недоверчивым взглядом моего супруга. – Выходила ли ты куда-либо в ближайшее время?

Стоило изобразить из себя дурочку, похлопав длинными ресницами.

- Выходила? Ты имеешь ввиду, в свет? Ты же знаешь, без тебя я никуда не хожу...

- Я имею ввиду, передвигалась ли ты в пределах замка? – чуть раздражённо выдал он. – Например, в библиотеку?..

Он точно подозревал меня, но пока у него не было доказательств.

- Наверное, тебе известно: я хожу туда каждый день, - мне даже врать не пришлось, чтобы ответить на этот вопрос. – Я заходила туда сегодня, совсем ненадолго, в первой половине дня. Но у меня разболелась голова, и я отложила чтение на потом, вернувшись сюда. А в чём дело? Что-то случилось?

Муж, выслушав меня, кажется, поверил, потому как, хоть и продолжал хмуриться, но всё же перестал смотреть на меня так, словно я была виновата во всём на свете. Ослабив верхнюю пуговицу на рубашке, он снял жилет, небрежно швырнув его на кресло.

- Ничего. Не бери в голову, - произнёс он слегка, как мне показалось, разочарованно и опустил на край постели. – Что с тобой? Ты заболела?

Я неопределённо пожала плечами.

- Просто недомогание...

Я надеялась, что Остин сейчас уйдёт, но он и не собирался. Вместо этого он улёгся рядом и, потянувшись ко мне, внезапно захватил мои губы поцелуем. Признаюсь честно, я не испытывала сейчас влечения к мужу, образ того несчастного мужчины, что подвергался ежедневным пыткам в подвале нашего замка, не способствовал романтическому настроению. А ещё я внезапно вспомнила, с каким удовольствием мой муж наблюдал за теми пытками, и невольно вздрогнула, ощутив его прикосновения к своей коже.

- Ты и впрямь, кажется, заболела, - хрипло произнёс Остин, нехотя отрываясь от моих губ. – Дрожишь как от жара. Или это от желания?

Его глаза налились непроглядной тьмой, как было всегда, когда он был возбуждён. Я не хотела сейчас этой близости, но понимала, что на данный момент это был единственный выход, чтобы мой супруг отвлёкся от своих подозрений. А потому, ничего не ответив, я позволила завладеть собой, при этом не испытав ничего – впервые во время всей нашей совместной жизни. Да и спрашивать меня он вряд ли бы стал. Зверь внутри человека не признавал отказа, это я тоже давно уяснила. Но до последних событий я была не против страстного мужа, что был великолепным любовником и мог доставить женщине настоящее удовольствие.

Однако сейчас я была напугана, а потому мне пришлось притворяться. Но супруг, опьянённый страстью, всё равно ничего не заметил и, получив удовольствие, завалился на другой бок и уснул.

Это было к лучшему. Мне не нужны были проблемы с самим королём обратной, даже если он был моим мужем. Тем более - если он был моим мужем. Но уснуть так же просто, как он, я не могла. Через какое-то время я поднялась, чувствуя, что тело моё затекло и просто

требовало зарядки. К тому же я проголодалась и вначале заглянув на кухню, я перекусила тем, что осталось от ужина – варёными яйцами и холодным молоком.

Не ахти себе, и всё же голод мой был утолён, и я продолжила своё бесцельное хождение по замку, не зная, чем мне ещё заняться, кроме как вновь отправиться в библиотеку.

Я знала, что мысль о Роннере не будет давать мне покоя, и всё же ноги сами несли меня туда, к непосредственной близости с ним. Не понимаю, что на меня нашло – я как будто с ума сошла, помешавшись на этой идее – помочь несчастному, которого, по сути, могло спасти только чудо.

Сосредоточившись на книгах, я выбрала одну в старом переплёте, наверняка прошедшую не через одну сотню рук. Усевшись поудобнее, я открыла её, пытаюсь сосредоточиться на тексте. Но строчки заплетались в моих глазах, буквы не желали складываться в слова, и в конце концов я поймала себя на мысли, что не понимаю, о чём читаю. Вернее, я даже не пыталась понять, потому как взгляд мой то и дело устремлялся к двери, ведущей в потайной ход.

Решившись, я всё же подошла к ней. Бросив последний взгляд на выход из библиотеки и убедившись, что там никого нет, я открыла проход и, вновь вооружившись магическим факелом, начала свой путь по пыльному коридору.

Заглянув в глазок на двери, я убедилась, что кроме пленника в пыточной никого нет. И, сдвинув засов, пробралась внутрь, мельком оценив обстановку. Ничего не изменилось. Разве что ран на теле мужчины прибавилось, и их следовало обработать.

- Это Вы? – я услышала слабый голос пленника, и тут же схватила ковшик, чтобы набрать воды и поднести его к губам несчастного.

- Я, - произнесла, когда он вдоволь напился. – Сейчас я обработаю раны...

- Лучше уходите, - предостерёг он. – Мне уже не помочь, а Вас могут схватить в любой момент... Прошу, не рискуйте так ради меня...

Я не ожидала такого благородства от человека, которого давно должны были сломать бесконечные пытки и моральная усталость. А это вызывало уважение.

- Не беспокойтесь, - я улыбнулась ему, хоть он и не мог увидеть этого, и всё же его губы растянулись в ответной улыбке.

- Спасибо, - вновь поблагодарил он меня, как и в прошлый раз. – Надеюсь, судьба будет к Вам благосклонна...

Я не была в этом так уверена, но раз уж пришла сегодня, несмотря на здравый смысл и подозрения мужа, то нужно было довести дело до конца.

Глава 12

Настоящее

Сама прачечная была душным тёмным местом. Дышать было сложно - воздух здесь стоял густой и влажный, парил, словно в бане, пропитанный запахами щёлока, мокрой шерсти и горьковатых трав, что сыпали в кипящие котлы для избавления от неприятных запахов. От каменных стен, покрытых постоянным, скользким инеем конденсата, веяло промозглым холодом, но от трёх огромных печей, где день и ночь бурлила вода в медных чанах, пекло нещадно. Этот вечный контраст - жар и ледяная сырость - был, наверное, главной пыткой этого места.

Девушки, снующие меж корзин с бельём, и впрямь были одеты в простые, серые платья-рубahi, больше похожие на ночные сорочки. Ткань, намокшая от брызг, липла к телам, а короткие, по локоть, рукава открывали красную от горячей воды кожу. Они переговаривались приглушённо, эхом повторяя мерный шлепок мокрого полотна о рифлёные доски для стирки, скрип корзин и вечное бульканье котлов. Здесь, в этом аду пара и мыльной пены, стирались не только простыни и придворные наряды, но и следы иной жизни - грубые льняные портянки солдат, простые платья служанок, а иногда и запачканные землёй и травой рубахи, вероятно принадлежащие садовникам.

Помимо меня девушек было четверо, если считать вместе с Санной. Молоденькие, худые, измученные тяжёлой работой, они больше напоминали рабынь нежели воспитанниц бабушки Марджи. На их изнеможённых лицах не было ни капли радости или девичьего веселья – напротив, они показались мне такими несчастными, что я начала сомневаться в доброте их хозяйки.

- Вот, можешь переодеться, - Сання протянула мне такое же серое невзрачное платье, как и у остальных, явно ношенное, но ведь я не в свет в нём собиралась выходить.

- Спасибо, - поблагодарила я её. Девушка лишь кивнула, глядя куда-то себе под ноги, явно избегая со мной контакта глаз. С чего бы это?

Зайдя за примеченную мной ширму, я сняла испачканное и изрядно испорченное платье, в котором сбежала из замка мужа, и одела просторную рабочую одежду. Тело испытало лёгкость без всех этих застёжек и украшений, корсета, что были мне сейчас ни к чему. Свободная рубаха не сковывала движений, кожа дышала даже в такой сырости. А неудобные туфли, в которых нога почти не дышала, я заменила на лёгкие кожаные шлёпки, почти не закрывающие ноги, но надёжно защищавшие подошву.

- Меня зовут Лиира, - представилась я незнакомым девушкам, на что те лишь качнули головой и продолжили свою работу. Это тоже показалось мне странным, и тогда я спросила сама. – А как зовут вас?

- Ронда, Клара и Сюзи, - представила мне всех по очереди Сання. – У нас тут не принято разговаривать, только по работе. Иначе...

Девушка перевела боязливый взгляд на дверь и замолчала.

- Иначе что? – поторопила её я, беспокойно проследив за её взглядом.

- Бабушка Марджи будет ругаться...

Похоже, здесь всё было не совсем так, как описывала мне сердобольная старушка-хозяйка, и стоило вначале хорошенько ко всему присмотреться. Но сейчас меня ждала работа, на которую я согласилась ради хлеба и крова, и её было нужно выполнять.

- Покажете мне, что и как делать? – попросила я, перестав вникать в особенности взаимоотношений хозяйки и тех, кто жил и работал в её доме.

Сання вновь кивнула и начала мне объяснять. Признаюсь, я никогда в жизни не стирала ни одной вещи, даже своей, чего уж говорить о чужих. Но брезгливость пришлось отложить до лучших времён и браться за мыло, чтобы как следует намылить грязный от пота воротничок мужской рубахи, принадлежавшей явно кому-то не из высшего общества.

Санна терпеливо показывала, с чего начать. Оказалось, здесь всё подчинялось строгому порядку. Сначала необходимо было провести сортировку вещей - тонкий батист дамских сорочек, грубый, колючий холст солдатских портянок, шелковистая гладь чулок и плотная шерсть плащей. Каждую кучу вещей относили к своему чану, который ни в коем случае нельзя было перепутать.

Сам процесс был довольно-таки грубым и утомительным. Грязные вещи сначала вымачивали в больших деревянных корытах с ледяной водой, чтобы отмокла засохшая грязь. Потом наступала очередь мыла - темно-коричневого, жирного, с резким щелочным запахом. Им нужно было густо натереть мокрую ткань, особенно воротники и манжеты. Кожа на пальцах быстро становилась скользкой и сморщенной, и что-то подсказывало мне, что вскоре мои руки перестанут быть такими мягкими и нежными.

Но потом начиналось самое тяжёлое. Натертые мылом вещи отправляли в огромные медные котлы, кипящие на печах. Их постоянно помешивали длинными деревянными палками, похожими на вёсла, чтобы мыло не оседало на дно и не пригорало. Жар от них исходил настолько сильный, что лицо пекло, а со лба пот катился градом, смешиваясь с мыльной пеной. После кипячения, раскалённое и тяжелое, бельё вытаскивали и несли к каменным корытам для полоскания.

Тут уже требовалась настоящая сила. Мокрую ткань нужно было с силой тереть о рифлёные доски, выбивая из неё мыло и грязь, а потом тщательно полоскать, снова и снова опуская в чистую воду, пока стекающие струйки не становились прозрачными. Руки от этой работы немели, спина ныла, а от вечной влажности и пара в легких словно оседала свинцовая тяжесть.

Завершающим действием была отжимка - две девушки с силой крутили концы ткани в разные стороны, пока с неё не переставали капать последние капли. И потом бельё, наконец, отправлялось сушиться на длинные верёвки во дворе под открытым небом, где оно медленно обретало лёгкость и чистый, свежий запах ветра, которого не знали в этом душном «подземелье».

Надо ли говорить, что к концу дня я не чувствовала ни рук, ни ног, а спина моя болела так, что я думала, завтра не разогнусь вовсе. Но зато на сегодня мы закончили и можно было отдохнуть. Я порадовалась этой мысли, но вот другие девушки, наоборот, сделались ещё более хмурыми, напряжёнными.

И вскоре я выяснила, почему...

Глава 13

Прошрое

Я сошла с ума. Потому что теперь почти каждый день навещала Роннера, словно была обязана это делать. Но если я не видела его один день, то начинала тосковать. Да-да! Именно тосковать, потому как совершенно невероятнейшим образом привязалась к этому мужчине.

Мужу было не до меня. На следующий день он уехал к границе, потому что там начались волнения и стычки с представителями драконов. Не все они были крылатыми – часть людей, как и здесь, у оборотней, выступала на их стороне. Внешне нас было не отличить, в своём обыденном обличии все выглядели как люди – и волки, и драконы. Кто-то родился в тех краях, кто-то попал в плен, но, будучи на хорошем счету, был принят в ряды своих захватчиков в качестве солдата. Так или иначе, среди нас не было чистокровного народа по своей сути – в королевстве людей так же было полно оборотней и драконов, которые предпочитали жить именно как люди, а не свои собраты с двумя ипостасями.

Это было к лучшему. Остин был слишком подозрителен и проницателен, долго врать ему бы я не смогла. И что бы меня ждало в результате? Та же участь, что и несчастного Роннера? Мне страшно было даже подумать об этом. И всё же я упорно продолжала к нему ходить.

За время отсутствия моего мужа несчастного не пытали. Должно быть, это была кровавая инициатива Остина – вид крови своей жертвы прельщал его как хищника, а потому мучать мужчину в его отсутствие не было смысла.

Воспользовавшись этим, я начала приносить пленнику еды, за что он был мне крайне благодарен. Сначала он ел помалу, но постепенно его аппетит пришёл в норму, и я радовалась этому, наблюдая, как мой «подопечный» постепенно оживает, пусть и лишь на короткое время.

Однажды я осмелела и ослабила, а затем и вовсе сняла верёвки и цепи, которыми Роннер был привязан к железному «кресту». Нужно было видеть, с каким облегчением он опустился на пол. Его руки, измученные долгим приподнятым положением, не сразу начали слушаться хозяина, но я удивлялась, как вообще они не атрофировались за то время, что он здесь провёл.

Он сидел на полу, а я, не боясь испачкать дорогое парчовое платье из лучших своих запасов, присела рядом. И тогда впервые пленник провёл по моей щеке ладонью, нежно, стараясь задержаться на каждом выступе лица, и остановился на губах. Его пальцы горячие, огрубевшие, показались мне сейчас наиневнейшей услугой, от которой через всё тело прошёл ток. Да! Сейчас я почувствовала то, что никогда не ощущала со своим мужем. Нежность. Страсть. Тепло прикосновения.

С Остином мы не раз занимались любовью, и всё же это были больше механические движения, преисполненные естественными потребностями мужчины и женщины. Я исполняла свой долг перед мужем, а он брал то, что ему принадлежало. Мы не любили друг друга, как я думала раньше, ибо теперь, ощущая прикосновения Роннера, я поняла, насколько ошибалась в определении истинной любви.

Его палец проник мне в рот, нежно поведив туда и сюда, и я сейчас бы всё отдала лишь бы видеть его глаза! Но это было просто невозможно. Мужчина был слеп, и всё же мне казалось, он видит меня так же ясно, как и я его.

Это нужно было прекратить, но я не могла. Меня настолько тянуло к этому несчастному пленнику, что даже в таком состоянии умудрялся испытывать влечение ко мне, что остатки разума растворялись в небытии, уступая место порочной страсти.

Его красивые губы манили меня не меньше, и когда Роннер потянулся ко мне за поцелуем, я тоже не смогла отказать. Но когда этот поцелуй начал грозить перерасти во что-то большее и руки мужчины уже потянулись к завязкам на моём платье, я нашла в себе силы остановиться.

- Нет, пожалуйста! – прошептала я. И он, тяжело дыша, остановился, хотя я видела, каких сил ему это стоило.

- Прости... - прошептал Роннер.

- Не извиняйся, - теперь уже я коснулась его щеки, заросшей бородой. – Просто мы не должны этого делать. Понимаешь?

Он кивнул. Пришло время расставаться.

- Привяжи меня обратно, - попросил мужчина. – Я боюсь, мои надзиратели могут заподозрить, что мне кто-то помогает.

Я делала это через силу, потому как мне было безумно жаль вновь «приковывать» Роннера к «кресту». Но он был прав: никто не должен был узнать о том, что я была здесь и не раз. Мой муж был жесток и наверняка бы обвинил меня в измене, хоть он и был недалеко от истины. Я и в самом деле готова была сегодня изменить ему и переступить эту грань благоразумности. Но пока я изо всех сил старалась держать себя в руках, хотя мне это и далось с тяжким трудом.

Поцелуй на прощание был не менее страстным, чем тот, первый. Не говоря «до свидания», я ушла, потому как не могла больше смотреть на страдания того, кого выбрало моё сердце, не взирая ни на здравый смысл, ни на что другое. Боль Роннера теперь была моей болью, и я чувствовала то же, что и он – только не физически, а душевно.

Выбравшись из потайного коридора, я поняла, насколько вовремя это сделала. Как оказалось, вернулся мой муж и он уже искал меня, о чём мне сообщила служанка. Благо, застала она меня не в библиотеке и даже не рядом, и я сделала вид, что прогуливалась по замку и не вышла встречать короля лишь потому, что никто не доложил мне о его возвращении.

В результате Остин ничего не заподозрил. Но вечером, собрав совет приближённых к себе людей, он что-то бурно обсуждал с ними – так громко, что я смогла всё подслушать. И со слов мужа я поняла, что на рассвете он собирается прилюдно казнить пленника. Краска отступила от моего лица, ведь я сразу поняла, о каком именно пленнике шла речь...

Глава 14

Настоящее

У нас была общая спальня – обычная комната без излишеств, где ровными рядами стояли кровати, имелся шифоньер и кое-что ещё из мебели. Всё было довольно-таки старенькое, обшарпанное, но я была рада и тому. В моём положении выбирать не приходилось и мечтать о былой роскоши тоже. Главное, мне было где переночевать и что поесть – а остальное было сейчас неважно. Я коснулась живота, зная, что там растёт новая жизнь, ради которой я была просто обязана всё снести. И пусть усталость одолевала меня, но после плотного ужина, состоящего из вязкой каши и свежих овощей, стало немного легче. И я уже мечтала о том, чтобы поскорее лечь спать, хотя на улице ещё было даже не темно.

За ужином девушки были так же молчаливы и не улыбочивы. У меня сложилось впечатление, что из них кто-то выкачал всю радость жизни. Конечно, сиротам, которыми каждая из них была, мало когда улыбалась удача. И всё же они были одеты, обуты и сыты, и это стоило ценить.

Я пыталась разговорить их – хотя бы на отвлечённые темы, но девушки или молчали, или отвечали односложно. Их общее напряжение было слишком очевидным, что я в конце концов отстала, совершенно не понимая, почему они так себя ведут. Но ведь что-то было, что угнетало их настолько явно...

Вечером, когда пришло время ложиться спать, ни одна из них не расправила постель, а когда я попыталась сделать это, Санна меня остановила.

- Подожди, - произнесла она, боязливо взглянув на дверь. – Не стоит пока этого делать.

- Почему?

Я искренне не понимала и ждала ответа на свой вопрос, предчувствуя нечто нехорошее. Но в тот же миг дверь в общую спальню открылась, и на пороге возникла фигура, от которой у меня перехватило дыхание.

Это была бабушка Марджи, но словно стряхнувшая со своего облика прежний образ самой себя. Её скромный серый старушечий балахон сменило платье из глубокого сливового бархата, дорогого и тяжёлого, но скроенное с обманчивой скромностью - высокий ворот, длинные рукава. Однако покрой был безупречен, а по подолу и манжетам пробежала едва заметная серебряная вышивка. На груди женщины поблёскивала не броская, но явно старинная филигранная брошь, а с изящного пояса свисала связка маленьких ключей и небольшой кошель из тончайшей кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.